

Ника Валевская
Шрамы моего рассвета

Ника Валевская

Шрамы моего рассвета

«Издательские решения»

Валевская Н.

Шрамы моего рассвета / Н. Валевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-657992-7

«Шрамы моего рассвета» — это не просто книга, это удар в сердце, от которого ты не отведёшь глаз. Стиснув осколки прошлого — стекло, бетон, ткань, — она встала, превратив шрамы в сияющую силу. В танце с ветром, в песне огня, под звёздами она нашла тех, кто не отвернулся... Из пепла боли она выковала рассвет — не идеальный, а свой, где каждый шрам — это победа, каждый шаг — триумф. Это история, что цепляет за живое и не отпускает: сможешь ли ты, читатель, найти свой свет в её шрамах?

ISBN 978-5-00-657992-7

© Валевская Н.
© Издательские решения

Содержание

«Шрамы моего рассвета»	6
Глава 2: «Дно зовёт»	9
Глава 3: «Стены рушатся»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Шрамы моего рассвета

Ника Валевская

© Ника Валевская, 2025

ISBN 978-5-0065-7992-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Шрамы моего рассвета»

Глава 1: «Крик в пустоту»

Ты падаешь. Не вниз, не на пол, а в пропасть, где воздух – это раскалённые иглы, вонзающиеся в твои лёгкие с каждым вдохом. Твоя грудь трещит, словно рёбра вот-вот разлетятся на куски, а сердце бьётся так яростно, что кажется, оно хочет вырваться из тебя, разбиться о камни, лишь бы прекратить эту муку. Ты кричишь – дико, до хрипа, до металлического привкуса крови во рту, – но твой голос тонет в этой вязкой, чёрной пустоте. Никто не слышит. Никто не придёт. Ты одна, и это одиночество – как раскалённый металл, что плавит твою кожу, твои мысли, твою душу.

Вчера ты ещё держалась. Цеплялась за остатки того, что называла жизнью. Работа – бесконечный конвейер, где ты гнула спину до боли в позвоночнике, лишь бы услышать сухое «хорошо» от начальника, который даже не знал твоего имени. Люди – те, кого ты любила, кому доверяла, – уходили один за другим, оставляя за собой только эхо шагов и пустые обещания, что резали тебя глубже, чем нож. Мечты – те самые, что ты рисовала в голове ночами, когда не могла уснуть: дом с деревянной верандой, запах кофе по утрам, смех, что звенит в воздухе, – рассыпались в пыль, просочились сквозь пальцы, как песок, который ты не смогла удержать. Ты говорила себе: «Я справлюсь. Я выдержу». Ты лгала. Теперь ты здесь – на коленях, в грязи, с руками, что дрожат, как у старика, потерявшего всё.

Ты смотришь на свои ладони – грязные, исцарапанные, с обломанными ногтями – и понимаешь, что это всё, что у тебя осталось. Боль – не просто чувство, это зверь, что живёт внутри тебя, вгрызается в твои рёбра, раздирает твои внутренности, оставляет тебя пустой, как выжженная пустыня после пожара. Ты хочешь крикнуть: «За что мне это?!» – но слова застревают в горле, душат тебя, как верёвка, что затягивается всё туже. Ты задыхаешься,

но не от недостатка воздуха – от этой тяжести, что давит на тебя, от этого груза, что ты тащила годами, пока он не раздавил тебя окончательно.

Ты думала, что сможешь. Что найдёшь выход. Что переживёшь. Ты всегда была той, кто держится, кто улыбается сквозь слёзы, кто говорит: «Всё нормально», даже когда внутри всё горит. Но теперь? Теперь стены твоего мира рухнули с грохотом, что оглушил тебя, оставил стоять посреди обломков, задыхаясь от пыли и ужаса. Любовь, что ты берегла, как редкий цветок, завяла, когда он ушёл, не обернувшись, бросив тебя одну в квартире, где ещё пахло его одеколоном. Здоровье, на которое ты не обращала внимания, пока оно не подвело, вычеркнуто холодной строкой на бумаге: «Прогноз неблагоприятный». Надежда – та последняя ниточка, за которую ты цеплялась, пока пальцы не кровоточили, – оборвалась с сухим треском, и ты упала ещё ниже, туда, где нет ничего, кроме этой тьмы.

Ты падаешь на колени, и земля под тобой холодная, липкая, пропитанная запахом гнили и твоих собственных слёз. Ты сжимаешься в комок, как раненый зверь, и чувствуешь, как каждая клетка твоего тела вопит от ужаса. Всё кончено. Работа – пепел, что унесло ветром, когда начальник сказал: «Ты больше не нужна». Друзья – тени, что растворились, когда ты перестала быть удобной, весёлой, сильной. Твоё тело – предатель, что сдаётся с каждым вдохом, с каждым ударом сердца, что становится всё слабее. Ты пытаешься встать, но ноги – чужие, слабые, подгибаются, как у куклы, у которой перерезали нитки. Ты падаешь снова, лицом в эту грязь, и слёзы текут сами, смешиваясь с землёй, оставляя на щеках грязные полосы.

Ты вспоминаешь, как всё началось. Тот день, когда телефон зазвонил, и голос врача, холодный, как лёд, сказал: «Нам нужно поговорить». Ты стояла, прижав трубку к уху, а мир вокруг рушился, как карточный домик, и ты не могла ничего сделать, только слушать, как он говорит о том, что твоё тело больше не твоё, что оно решило сдать. Или тот вечер, когда ты вернулась домой, а его вещей уже не было – только пустые вешалки в шкафу и записка: «Прости, так лучше». Ты сидела на полу, обнимая себя руками, и пыталась понять, как человек, которого ты любила больше жизни, мог просто уйти, оставив тебя одну с этой тишиной, что звенела в ушах громче любого крика. Или утро, когда ты открыла глаза и поняла, что больше не хочешь их открывать, что каждый новый день – это просто ещё одна попытка, которую ты не можешь вынести.

Ты ползёшь вперёд, цепляясь за воздух, за пустоту, за что угодно, что даст хоть секунду облегчения. Но облегчения нет. Есть только этот холод, что проникает в твои кости, этот ветер, что воет в пустоте, и твоё тело, что отказывается слушаться. Ты падаешь на спину, раскинув руки, и смотришь в эту чёрную бесконечность над тобой. Твоя грудь сжимается, дыхание рвётся на куски, и ты шепчешь: «Я больше не могу». Это не ложь. Ты не можешь. Всё, что ты знала о себе, умерло здесь, в этой грязи, под этими обломками. Ты не та, кто смеялся на закате, не та, кто строил планы, не та, кто верил в завтра. Ты – это боль, и боль – это ты.

Ты кричишь ещё раз – не словами, а стоном, низким, животным, что вырывается из глубины твоей груди. Но тьма глушит его, проглатывает, оставляет тебя задыхаться в собственной агонии. Ты вспоминаешь лица – матери, что смотрела на тебя с тревогой, но ты отмахнулась: «Всё нормально». Друга, что звонил, пока ты не перестала отвечать. Любимого, что обещал вечность, но исчез, как дым на ветру. Они все ушли – или ты их прогнала, сама не зная зачем. Теперь ты одна, и эта мысль бьёт тебя, как кулак в живот, выбивает остатки воздуха из лёгких. Ты закрываешь глаза, и слёзы текут сильнее – не от грусти, а от изнеможения.

Ты отдаёшься этой темноте, как ребёнок, что падает в объятия, даже если эти объятия – смерть. Тишина обволакивает тебя, мягкая, почти ласковая, и ты думаешь: «Пусть это будет конец». Ты перестаёшь сопротивляться. Перестаёшь цепляться. Твоё дыхание замедляется, становится поверхностным, и ты чувствуешь, как проваливаешься ещё глубже – туда, где нет света, где нет звука, где нет боли. Только пустота. Ты сдаёшься. Полностью. Абсолютно. Всё, что ты была, растворяется в этой тишине, и ты думаешь: «Это всё».

Но в этой мёртвой пустоте что-то шевелится. Едва уловимо, как тень на краю сознания. Твой пульс – слабый, рваный, почти угасающий. Он бьётся, несмотря на всё, цепляется за что-то, чего ты не видишь. Ты не слышишь его. Не чувствуешь. Но он есть. И он шепчет – тихо, настойчиво, как голос из другого мира: «Ты ещё здесь». Ты не веришь ему. Пока не веришь. Но он не умолкает.

Глава 2: «Дно зовёт»

Я лежу в этой тьме, и холод вгрызается в меня, как голодный зверь, что нашёл добычу. Мои кости ноют, лёгкие сжимаются, и каждый вдох – это борьба, которую я уже не хочу продолжать. Я открываю глаза, но вижу только пустоту – густую, липкую, такую тяжёлую, что она давит на меня, выдавливает из меня последние капли жизни. Я не знаю, день это или ночь, жива я или уже мертва. И мне всё равно. Я больше не чувствую разницы.

Слёзы текут по моим щекам – горячие, солёные, бесконечные. Я не вытираю их, не поднимаю рук, потому что мои руки – это мёртвый груз, а слёзы – единственное, что ещё говорит, что я здесь. Я плачу не от боли, не от страха – я плачу от пустоты, что заполнила меня до краёв, от этой чёрной дыры внутри, где раньше было сердце. Они текут, оставляют мокрые дорожки в грязи на моём лице, и я думаю: «Это всё, что от меня осталось». Мои пальцы дрожат, цепляются за землю, но она холодная, скользкая, и я не могу ухватиться ни за что. Я падаю глубже, хотя казалось, что глубже уже некуда.

Я вспоминаю, как всё началось. Тот день, когда телефон зазвонил, и голос врача, сухой, как осенний лист, сказал: «Нам нужно поговорить». Я стояла, прижав трубку к уху, а мир вокруг меня рушился – пол уходил из-под ног, стены дрожали, и я слышала только его слова: «Прогноз неблагоприятный». Я не могла дышать, не могла говорить, только слушала, как он объясняет, что моё тело – моё собственное тело, которому я доверяла, – решило меня предать. Или тот вечер, когда я открыла дверь, а его вещей уже не было. Пустые вешалки в шкафу, смятая записка на столе: «Прости, так лучше». Я рухнула на пол, обнимая себя руками, и пыталась понять, как человек, которого я любила больше, чем саму жизнь, мог просто уйти, оставив меня одну с этой тишиной, что звенела в ушах громче любого крика. Или утро, когда я проснулась и поняла, что не хочу вставать, что каждый новый день – это просто ещё одна попытка, которую я не могу вынести.

Я пытаюсь встать – не потому, что верю в спасение, а потому, что какая-то глупая часть меня всё ещё цепляется за жизнь, как зверёк, что не знает, когда сдаться. Но мои ноги подламываются, колени бьются о землю, и я падаю снова, лицом в эту холодную грязь. Я шепчу: «Хватит», но слова тонут в тишине, растворяются в ней, как дым на ветру. Я ползу вперёд, цепляясь за обломки – не стен, а самой себя, – но они острые, режут мои ладони, и я оставляю за собой кровавый след, который никто не увидит. Моя грудь сжимается, дыхание рвётся на куски, и я чувствую, как тьма зовёт меня, шепчет моё имя: «Ты моя». И я верю ей. Потому что подняться невозможно.

Я вспоминаю лица. Маму, что смотрела на меня с тревогой, а я отмахивалась: «Всё нормально». Друга, что звонил, пока я не перестала брать трубку, потому что не могла вынести его жалости. Его – того, кто обещал вечность, но исчез, как мираж, оставив меня одну в этой пустоте. Они все ушли – или я их прогнала, сама не зная зачем. Теперь я одна, и эта мысль бьёт меня, как молот, выбивает остатки воздуха из лёгких. Я кричу – не словами, а стоном, низким, животным, что вырывается из глубины моей груди. Но тьма глушит его, проглатывает, оставляет меня задыхаться в собственной боли.

Я ложусь на спину, раскинув руки, и смотрю в эту бесконечную черноту над собой. Мои глаза открыты, но я ничего не вижу – только эту тьму, что обволакивает меня, как саван. Я думаю о том, что потеряла. Работу, где я гнула спину до хруста костей, лишь бы доказать, что чего-то стою, – её больше нет, меня вычеркнули, как ненужную строку в отчёте. Друзей, что клялись быть рядом, но исчезли, когда я перестала быть весёлой, удобной, сильной. Любовь, что я берегла, как редкий цветок, – она завяла, когда он ушёл, не обернувшись, и я осталась одна в квартире, где ещё пахло его одеколоном. Я вспоминаю свои мечты – дом у моря, где я бы пила кофе на веранде, смех детей, что никогда не родятся, закаты, что я хотела встретить с кем-

то рядом. Эти картинки мелькают перед глазами, но они блекнут, растворяются, оставляют меня с пустыми руками и разорванным сердцем.

Я шепчу: «Я не хочу больше». И это правда. Я не хочу. Жить, дышать, чувствовать – всё это слишком тяжело, слишком больно. Мои слёзы текут сильнее – не от грусти, а от изнеможения. Я отдаюсь этой темноте, как ребёнок, что падает в объятия, даже если эти объятия – конец. Тишина обволакивает меня, мягкая, почти ласковая, и я думаю: «Пусть это будет всё». Я перестаю сопротивляться. Перестаю цепляться. Моё дыхание замедляется, становится поверхностным, и я чувствую, как проваливаюсь ещё глубже – туда, где нет света, где нет звука, где нет меня. Только пустота.

Но в этой пустоте что-то шевелится. Едва заметно, как тень на краю сознания. Мой пульс – слабый, рваный, почти угасающий. Он бьётся, несмотря на всё, цепляется за что-то, чего я не вижу. Я не слышу его. Не чувствую. Но он есть. И вдруг я слышу – тихо, хрипло, как шорох листвы в мёртвом лесу, – голос. Мой голос. Не тот, что кричал о помощи, не тот, что шептал «сдаюсь». Новый. Настоящий. «Я ещё здесь», – говорит он, и я вздрагиваю. Тьма шевелится, и я понимаю: это не конец. Это что-то другое. Я не знаю, что. Пока не знаю. Но этот голос не умолкает.

Глава 3: «Стены рушатся»

Я стою посреди обломков, и грохот всё ещё звенит в моих ушах – стены моей жизни рухнули, и я задыхаюсь от пыли, что оседает на моих губах, в моих лёгких, в моей душе. Камни падают вокруг, тяжёлые, острые, и я чувствую, как они раздавливают не только землю под мной, но и меня саму – каждый кусок бетона, каждый осколок стекла, каждый треск ломающегося дерева – это удар по тому, что я строила годами. Я не просто упала – я похоронена заживо под этим хаосом, и воздух здесь – это смесь грязи и моего собственного страха. Я кашляю, пытаюсь вдохнуть, но каждый вдох – как глоток песка, что царапает горло.

Я помню, как возводила эти стены. Кирпич за кирпичом – работа, где я гнула спину до боли в позвоночнике, до треска позвонков, лишь бы услышать сухое «хорошо» от начальника, который даже не знал моего имени. Я приходила домой, падала на диван, и мои руки дрожали от усталости, но я говорила себе: «Это того стоит». Любовь, что я строила с такой нежностью, вкладывая в неё каждый кусочек своего сердца – я готовила ему ужин, смеялась над его шутками, засыпала в его объятиях, думая, что это навсегда. Дружба, что казалась нерушимой – я была той, кто слушал, кто помогал, кто приходил на выручку, даже когда сама еле держалась. Я строила этот мир, как замок из песка, не замечая, как волны подбираются ближе. И теперь? Теперь всё это – пыль под моими ногами, и я стою, глядя на руины, с руками, что дрожат от бессилия.

Я падаю на колени, и острые края камней впиваются в мою кожу, но я не чувствую боли – она ничто по сравнению с тем, что творится внутри. Моя грудь – это открытая рана, из которой сочится не кровь, а воспоминания: его смех, что больше не звучит, слова «я останусь», что оказались ложью, надежды, что умерли, не успев расцвести. Я хватаюсь за грудь, словно могу вырвать эту боль, но она только глубже вгрызается в меня, как зверь, что нашёл свою жертву. Я кричу – не голосом, а всем своим существом, – но крик тонет в этом месиве из пыли и тишины. Я вспоминаю тот день, когда всё началось: звонок врача, холодный, как сталь, – «у нас плохие новости». Я стояла у окна, глядя на улицу, а его голос звучал в моей голове, как приговор: «Ваше тело сдаётся». Или тот вечер, когда я открыла дверь, а его вещей уже не было – только пустые вешалки и записка: «Прости, так лучше». Я сидела на полу, обнимая себя руками, и пыталась понять, как человек, которого я любила больше жизни, мог просто уйти, оставив меня одну с этой тишиной, что резала уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.